

УДК 81.373

DOI: <https://doi.org/10.18524/2413-0613.2019.23.183124>

М. Ф. Шацкая,

профессор кафедры русского языка и методики его преподавания
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
пр. Ленина, 27, г. Волгоград, 400066, Россия,
тел.: (8442) 602825,
marina.schatzckaya@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НУЛЕВОГО КВАНТИФИКАТОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается семантическая динамика одного из квантификативных показателей – лексемы *ноль*. Этот количественный показатель, пришедший в жизнь социума и в систему языка значительно позже остальных подобных номинаций, в ходе развития русского языка претерпел многие семантические трансформации: от собственно количественных показателей значения – и до формирования в определенном смысле некоторой парадоксальности и аномальности. Так, *ноль* содержит в себе градационность, параметричность, а также антропоморфные, физиологические и абстрактные характеристики. Кроме того, потенциал данной лексемы до сих пор не исчерпан: в настоящее время возникают различные метафорические переносы, идиомы, на базе переосмысления первичного значения возникают окказиональные употребления. Для семантической динамики лексемы *ноль* характерным было одновременное протекание разнонаправленных, порой диаметрально противоположных процессов под влиянием как внешних, так и внутренних факторов языкового и социокультурного генезиса.

Ключевые слова: лексема, ноль, квантификатор, семантическая динамика, фразеологизм.

Вопросы семантической динамики традиционно рассматривались в языкознании прежде всего лингвистами-этимологами. Происхождение лексем, изменение их значения и плана выражения под влиянием интра- и экстралингвальных факторов было объектом исследования многих ученых. Мы решили обратить внимание на вопросы квантификации объектов и фактов. В лингвистике этой проблематикой занимались многие языковеды, такие, как Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, В. фон Гумбольдт, Т. ван Дейк, Г. А. Золотова, В. И. Карасик, А. Е. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, И. А. Мельчук, О. А. Радченко, Э. Рош, Л. Г. Акуленко, А. В. Бондарко, Е. И. Букреева, Ю. Н. Власова, Г. Г. Галич, Э. В. Игнатьева, Д. А. Кашина, Н. Л. Клименко, А. В. Лыков, Н. В. Нечипоренко, И. А. Черкасс, Ю. Н. Черникова, Н. С. Чиркинян, С. А. Швачко и многие другие. Одной из последних работ, посвященных комплексному описанию квантитативности, является докторская диссертация Е. С. Гайломазовой [Гайломазова, 2012]. Однако до сегодняшнего

дня не нашел должного отражения в исследованиях такой показатель количества, как „нуль”.

Как известно, нуль – это квантификатор, который появился в языковой картине мира позже остальных чисел. Поскольку с возникновением и развитием различных отношений в социуме для людей стало острой необходимостью давать оценку количеству прежде всего исчисляемых объектов утилитарного значения, то системы графических знаков, а, следовательно, и лексем, фиксирующих их в языках, должны были отвечать прежде всего этим прагматическим запросам. Римская традиция записи чисел не предполагала никакого особого знака для нуля, хотя понятие нуля, то есть пустоты, конечно же, существовало.

Нуль возник специфически, на периферии сфер человеческой деятельности, постепенно занимая все более значимое место вначале в донаучном, а затем и в подлинно научном осмыслении действительности. Сам символ нуля „0”, предположительно, возник в практике греческих математиков, занимавшихся астрономическими исчислениями, однако легитимного статуса не получил. Считается, что арабская десятичная система исчисления, в которой нуль занимает место полноправного числа, вобрала в себя и обобщила опыт как индийских, так и греческих математиков, поскольку культурные контакты между крупнейшими цивилизациями Древности и Средневековья не вызывают сомнения.

Само слово *цифра* происходит, по свидетельству русских лексикографических источников, из арабского языка: *цифра* – „знак, обозначающий число; разг. число, сумма”. В русский язык слово *цифра* пришло из немецкого (*Ziffer*), куда это слово, долгое время (еще в XVII в.) значившее „нуль”, попало в XV в. из итальянского [ср. совр. ит. *cifra* (произн. [чифра] „цифра, число”, а также „условный знак, монограмма, шифр, метка” (на белье); в XV в. было только неопределенным наименованием числа вообще, начиная с нуля], как и во французский язык [где *chifre* (произн. [ʃifra] значит не только

„число, цифра”, но и „шифр” (ср. отсюда у Пушкина в поэме „Полтава”, 1828 г.: „Слагают *цифр* универсалов” (ПСС, V, с. 29), и „вензель”, а в ст.-франц. также „нуль”)], а из французского (ст.-франц. *cifre*) – в английский [*cipher* „арабская цифра, шифр, „нуль”]. Ср. также голл. *cijfer* и др. В итальянском языке из средневеков. латин. *cifra*, а там это слово из арабского. Ср. араб. *ṣifr* „нуль, ничто” < *ṣifr* (: *ṣafir* : *ṣufr* : *ṣafir*) „пустой”, глаг. *ṣatira a* „быть пустым” (Wehr, 470) [Черных, т. 2, с. 372].

Примерно такая же информация содержится в словаре М. Фасмера: „*цифра* – „*цифирь* „арифметика” (Мельников), *цыфарь* – то же, вятск. (Васн.), *цифирный*, *Цыфиркин* – фам. учителя арифметики у Фонвизина. Через польск. *cyfra* или нем. *Ziffer* „цифра” из ит., ср.-лат. *cifra* от араб. *ṣifr* „пустой, нуль”; см. Литтман 76; М.-Любке 652; Преобр., Труды I, 51” [Фасмер, т. 4, с. 303].

В современной картине мира, состоящей из исчисляемых и неисчисляемых объектов и явлений, имеющих дискретную и неделимую структуру, нуль занимает значительное место. Он не просто дает жизнь любому отличному от себя числу, но и позиционирует себя в центре числовых множеств, хотя по своим свойствам к этим множествам и не принадлежит. Нулем активно пользуются, признавая его удобство, не задумываясь над его природой и скрытыми подводными камнями, которые являются следствием самого допущения нуля в стройные ряды значимых цифр. Поскольку нуль занимает столь важное положение, мы предполагаем, что он имеет в русском языке множественные языковые экспликации, а также экстра- и интралингвистические референции. В русском языке, по данным этимологических словарей [Фасмер, 1986; Шанский, Боброва, 2002], *нуль* / *ноль* впервые стал отмечаться лишь в Петровскую эпоху. *Ноль*, *нуль* – „то же. Вероятно, через нем. *Null* (уже в XVIII веке) из ит. *nulla* „ничто”: лат. *nullus*. Форма на *-о* скорее отражает краткое немецкое *и*. Напротив, *-у* могло появиться в результате влияния нем. написания. Ср. *номер*” [Фасмер, т. 3, с. 81]; „слово заимствовано в Петровскую эпоху из немецкого языка, где *Null* < ит.

nulla, которое восходит в конечном итоге к лат. *nullus (numerus)* „никакое число”. *Ноль* – немецкое написание, *-o* в *ноль* отражает краткое немецкое *и* [Шанский, Боброва, 2002, с. 204]; „называли его тогда также *óником* (от *он* – названия буквы *o*)” [Черных, т. 1, с. 577].

С этим же значением – ‘ничто’ – *ноль* пришел в XIX в. Но как свидетельствует В. Даль, *ноль* и *ноль* – „счислительный знак, означающий ничто, ничего (0); но поставленный после другой цифры (справа) повышает ее десятью, умножает на десять. Считай по градуснику от нуля. Нулевой знак, *ноль*. *Нулевой флаг*, морс. въ сигналах, означающий нуль” [Даль, т. 2, с. 577]. В современном русском языке лексема *ноль / ноль* функционирует в нескольких значениях. Прямым значением, по данным толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, является следующее: ‘в математике: действительное число, от прибавления которого никакое число не меняется. Сводиться к нулю (*перен.*: ‘терять значение, превращаться в ничто’)’ [Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]. Как видим, это значение отличается от того, в котором данная номинация была в свое время заимствована. Квантитативность проявляется и в другом значении лексем *ноль / ноль*: ‘цифровой знак „0”, обозначающий такое число, а также, в составе цифровых обозначений, отсутствие единиц какого-н. разряда’ [Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]. В МАСе это значение подается как прямое: ‘цифровой знак 0, обозначающий отсутствие величины (приписанный к любому числу справа означает увеличение его в десять раз)’ [МАС, т. 2, с. 507].

Кроме того, весьма знаменательно, что *ноль / ноль*, будучи по своим дистриктивным признакам сущностью абсолютной, не дискретной, в то же самое время парадоксальным образом проявляет определенную способность к градации, то есть к описанию присутствия признака в некоторой, весьма незначительной степени: ‘ноль и ноль – очень мало, почти ничего’ [РСС, т. 3, с. 89]: *Возмещено 4 млн, то есть ноль* [РБК Дейли, 2013.11.15] (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка: ruscorpora.ru).

Примерно такой же парадокс содержится в определении: ‘условная величина, относительно которой исчисляется температура чего-л. *Ноль градусов. Десять градусов ниже нуля*’ [МАС, т. 2, с. 507]. Это же значение подается в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как фразеологически связанное: ‘*На улице на нуле – о температуре воздуха – ноль градусов*’ [Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]. Видимое противоречие заключается в том, что нулевая температура – это не отсутствие температуры, а всего лишь ее характеристика, выражающаяся в параметрическом определении физической величины. Интересным с точки зрения семантических сдвигов исследуемого нами явления представляется его антропоморфность: – ‘о ничтожном, незначительном, ничего не значащем человеке. *В науке этот человек ноль. Я для нее как ноль*’ [Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]:

*Вот живу я, – говорит, –
Столько лет на свете.
Спору нету – сыт, прикрыт
И табак в кисете.
Кликну – встанет целый взвод
Сыновей и внуков.
Ото всех кругом – почет,
А от бабы – мука.
Чем бы ни было – корит,
Все ей не по нраву.
Будто завистью горит
На мою на славу.
Ноль ты, дескать, без меня,
Мол, гордишься даром...
Места нет, как от огня,
Как от божьей кары (А.Т. Твардовский, „Еще про Данилу”);*

– ‘о незначительном, ничтожном человеке. *Все предрассудки истребя, Мы почитаем всех нулями, А единицами – себя. Пушкин, Евгений Онегин. Мы расстались с тобой, когда я был ноль, ничтожество, пропащий человек, без будущего, без настоящего. Телешов, Счастливец*’ [МАС, т. 2, с. 507]. *Кто ты –*

шут или король, Единица или **ноль** (И. В. Елагин, „Суетись всю жизнь, кружись...”). За нулем также наблюдается абстрактность:

– ‘полное отсутствие чего-нибудь, пустота (*разг.*)’ [РСС, т. 3, с. 89]:

Но потом стал думать, кто может сыграть моего партнера, на горизонте возник Чаннинг, и всё закрутилось. Джона, как вы объясняете, что обе ваши

*оскаровские номинации – за серьезные роли, а за комедии – **ноль**?* [Известия, 2014.05.16];

– ‘отсутствие чего-л., какой-л. величины, почти ничего... Ничто, то, что ничего не значит’ [МАС, т. 2, с. 507]:

Свисает скромно,

Как истина, как боль,

Тьмы фистула,

*Сводящая на **ноль***

Дела (Г. Н. Оболдуев „Исчислив, так сказать...”).

Анализ лексикографических источников показал, что лексема *ноль* присутствует и в составе немногочисленных разговорно-просторечных фразеологических оборотов, которые можно разделить на следующие типы: 1) характеризующие материальное положение человека: *на нуле* ‘о положении того, кто всего лишился или должен начинать все с начала’ [РСС, т. 3, с. 18] и *на нуле* – ‘без денег’ [Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]; помимо этого, в прессе наблюдается и синонимичная синтаксическая форма: *По словам Валерия Переверзева, выставки были посещаемыми и не убыточными. По расходам и доходам они выходили „в **ноль**”, финансирование давали другие проекты организаторов* [Известия, 2014.07.03]; *„Цель этой кампании для нас – принять участие в Олимпиаде и провести мощную пиар-акцию. С финансовой точки зрения мы сработали **в **ноль****”, – рассказывает директор по маркетингу St. Peter Line Андрей Мушкарев* [РБК daily, 2014.03.05]; 2) определяющие социальную значимость человека: *ноль без палочки* – ‘о том, кто не имеет никакого влияния, значения’ [Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]; 3) номинирующие отправной момент в деятельности: *с нуля начинать* – ‘с самого начала, не имея никакого задела’ [РСС, т. 3, с. 18; Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]; 4) иллюстрирующие отношения между людьми: *ноль внимания* –

‘никакого внимания’ [БАС, т. 7, с. 1388; МАС, т. 2, с. 507; ФСРЯ, 1968, с. 285]: *Хоть бы одна поцеловала хоть бы нестрасно, нехотя так, в небритую щеку. Вообще – ноль внимания, как будто меня нет* [Комсомольская правда, 2014.05.31]; 5) выражающие параметрические показатели: *на улице ноль – температура воздуха 0°* [Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]: *Есть и другая беда: дома быстрее изнашиваются и требуют частого ремонта. Потому как в новом климате осенью, зимой и весной температура то и дело скачет через ноль – то плюс, то минус* [Комсомольская правда, 2014.07.31]; *Вышел на мокрый воздух, на бухлый ноль* (Н. Байтов, „Час простояли ботиночки на плите...”); 6) констатирующие абсолютную темпоральность: *ноль-ноль* – ‘после названия часа суток указывает: ровно в таком-то часу, без минут’ [Ожегов, Шведова, 2007, с. 421]:

*Старик уходит. Он встает,
В ногах смиряя боль,
И на обед домой идет
К пятнадцати ноль-ноль* (К. М. Симонов, „Отец”).

Кроме отраженных в лексикографических источниках современного русского языка, лексема *ноль* функционирует следующим образом:

– в идиоматическом значении, называющем вид стрижки: *За всё время работы у нас с ней возникла только одна трудность. Лайу позвали сниматься в популярный испанский сериал про больницу, на роль больной раком девочки, и к нам на съемочную площадку она вернулась стриженная под ноль* [Известия, 2014.06.15];

– как профессионализм в спортивной сфере, обозначая, с одной стороны, результативность, но с положительной оценкой: *Второй период голкипер СКА отыграл „на ноль”, но пропустил почти сразу после завершения перерыва* [Р-Спорт, 2014.02.19]; *Например, в масс-старте Оберрхофа Ольга Вилухина отстрелялась „на ноль”, но пришла к финишу с отставанием в 1,5 минуты от победившей тогда Туры Бергер* [Известия, 2014.02.19];

– в разговорной речи как оценочный балл:

*А как бы / кому **ноль** поставили / им можно будет пересдать?* (Разговор студенток об экзамене (2009);

– в значении ‘похожий по внешнему виду на ноль’:

*Поцарапанный **ноль**, мой паук, ваш – некто... Поцарапанный **ноль** –
иллюминатор падающего боинга, когда человеки грызли стекла и не достигали*
(А. М. Парщиков, „Паук”);

***Ноль** плавал по воде*

мы говорили это круг

должно быть кто-то бросил в воду камень (Д. Хармс, „О водяных кругах”);

– окказиональное употребление: 1) как аномальный физиологический идентификатор: *Лучшей актрисой второго плана была названа Елена Соловей за работу в картине „Группа крови – **ноль**”* [1946, 2014.05.24]; 2) синоним к слову *бессмертие*:

Все наши деяния, все наши дарованья –

Очаровательные разочарованья,

И каждый человек до гроба что донес?

Лишь невыплакиваемые глубины слез,

Лишь разуверенность во всем, во что он верил,

Лишь пустоту глубин, которых не измерил,

Лишь сон, пробуживаемый небытием...

*Мы этот жалкий **ноль** бессмертием зовем* (И. Северянин, „Элегия небытия”).

Интересен поэтический опыт Н. И. Глазкова, который в своем стихотворении „Размышленья” (1975) смог образно передать многие значения, в которых функционирует в современном русском языке лексема *ноль*:

***Ноль** как число не смотрится никак,*

Но действует, как пограничный знак!

И у него, как крылья у орла,

Есть верхняя и нижняя шкала.

*В любой науке понимая толк,
Ноль разделяет капитал и долг.
Живя на уровне морской волны,
Он в центре высоты и глубины.*

*Ноль отделяет воду ото льда,
От зноя отделяет холода,*

*Ноль – это разделения король:
И время, и пространство делит ноль.*

*Он разделяет бесконечность доль,
Но существует абсолютный ноль.
По Томсону, иль Кельвину, шкала
Не знает, что такое два крыла.
Там странный ноль – непостижимый знак
А что за ним? Ничто? Безмолвье? Мрак?*

Таким образом, нулевой квантификатор, возникший на более позднем этапе развития человеческого общества и вошедший в систему количественных отношений в значительной степени благодаря развитию научного знания, в русском языке претерпел значительные семантические трансформации. Помимо собственно количественных компонентов значения, в его семантической структуре возникли новые семы, не лишённые некоторой парадоксальности: *ноль* может содержать в себе градационность, антропоморфные и абстрактные характеристики, а также выступать в качестве параметрического показателя.

Немаловажным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что для всех найденных нами фразеологических оборотов указывается помета „разговорное” или же „просторечное”, из чего следует то, что метафорическому переосмыслению первичного значения лексемы *ноль* предшествовал процесс десемантизации, связанный с выхолащиванием семантической структуры

слова. Следовательно, одновременное протекание разнонаправленных, порой диаметрально противоположных процессов в семантике рассматриваемых нами лексических и фразеологических единиц позволяет сделать предварительный вывод о влиянии на исследуемое явление как внешних, так и внутренних факторов языкового и социокультурного генезиса. Более того, лексема *ноль* продолжает свое семантическое развитие: в публицистической, поэтической, разговорной речи наблюдаются случаи семантической деривации, причем не только за счет приращения сем / семных комплексов к уже известным значениям (например, оценочных) или синтаксического варьирования идиом, но и путем развития метафоричности, взаимодействия со словами других тематических и лексико-семантических групп.

Список использованных источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Едиторал УРСС, 2005.
2. Гайломазова Е. С. Квантификация объектов и фактов: когнитивно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики: автореф. дис. ... на соискание ученой степени доктора филол. наук. Волгоград, 2012.
3. Даль В. Толковый словарь: в 4 т. М. СПб., 1880–1882.
4. Дейк Т. А. ван. Фреймы знаний и понимания речевых актов. М.: Прогресс, 1989.
5. Лакофф Дж. Мышление в зеркале языка // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988.
6. **МАС** – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.
7. Меркулова О. А. Семантические законы и образ мира // *Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 3. С. 39–43.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО „А ТЕМП“, 2007.
9. **РСС** – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986, 1987.
11. **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1968.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994.
13. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2002.

References

1. Arutyunova N. D. Sentence and its meaning: logical-semantic problems. M.: Editorial URSS, 2005.
2. Golomazova E. S. Quantification of objects and facts: a cognitive-semantic and discourse-pragmatic features: a dissertation for the degree of doctor of Philology. Volgograd, 2012.
3. Dal V. Dictionary: in 4 t. M. - SPb., 1880 – 1882.
4. Dijk T. A. van. Frames of knowledge and understanding of speech acts. M.: Progress, 1989.
5. Lakoff George. Thinking in the mirror of language // New in foreign linguistics. Vol. 23. M.: Progress, 1988.
6. MAC-Dictionary of the Russian language: in 4 vol. / red. AP Evgenieva. M.: Russian language, 1985-1988.
7. Merkulova O. A. Semantic laws and image of the world // Vestnik VSU, series: linguistics and intercultural communication. 2008. No. 3. P. 39–43.
8. Ozhegov S. I. and Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: LLC “А ТЕМП”, 2007.
9. RSS-Russian semantic dictionary. The explanatory dictionary systematized on classes of words and meanings: in 6 t. / under the General edition N. Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik, 1998.
10. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.: Progress, 1986, 1987.
11. FSRA – Phraseological dictionary of Russian language / ed. by A. I. Molotkov, M.: Soviet encyclopedia, 1968.
12. Russian Russian language, 1994. Chernykh P. Ya. Historical and etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vols.
13. Shansky N. M., Bobrova T. A. School etymological dictionary of the Russian language. M: Bustard, 2002.

М. Ф. Шацька

У статті розглядається семантична динаміка одного з квантифікативних показників – лексеми *нуль*. Цей кількісний показник, який прийшов у життя соціуму і в систему мови значно пізніше інших подібних номінацій, у ході розвитку російської мови зазнав багато семантичних трансформацій: від власне кількісних показників значення – до формування в певному сенсі деякої парадоксальності й аномальності. Так, *нуль* містить в собі градаційність, параметричність, а також антропоморфні, фізіологічні та абстрактні характеристики. Крім того, потенціал цієї лексеми досі не вичерпаний: на сьогодні виникають різні метафоричні переноси, ідіоми, на базі переосмислення первинного значення виникають оказіональні вживання. Для семантичної динаміки лексеми *нуль* характерним було одночасне протікання різноспрямованих, часом діаметрально протилежних процесів під впливом як зовнішніх, так і внутрішніх чинників мовного та соціокультурного генезису.

Ключові слова: лексема, нуль, квантифікатор, семантична динаміка, фразеологізм.

M. F. Shatskaya,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Russian language and methods of teaching it
Volgograd State Pedagogical University,
27, Lenin avenue, Volgograd, 400066, Russia,
tel.: (8442) 302825,
marina.schatzckaya@yandex.ru

SEMANTIC DYNAMICS OF THE QUANTIFIER 'ZERO' IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary

The article deals with the semantic dynamics of one of the quantifiable indicators – the lexeme 'zero'. This quantitative indicator came into the life of society and the language system much later than other similar words. 'Zero' appeared specifically, on the periphery of the spheres of human activity, gradually taking an increasingly important place first in the pre-scientific, and then in a truly scientific understanding of reality. In Russian, the value of zero has long been transmitted by the word digit. According to etymological dictionaries, the quantitative meaning of the noun 'zero' was first noted only in Peter the Great's era. In modern Russian language the lexeme 'zero' functions in several senses, all of which in most lexicographical sources mean 'real number'.

In the course of the development of the Russian language zero has undergone many semantic transformations: from the actual quantitative indicator of meaning to the formation in a certain sense of something paradoxical and anomalous. Thus, zero contains gradation, parametricity, as well as anthropomorphic, physiological and abstract characteristics. In addition, the potential of this token has not yet been exhausted. The lexeme 'zero' continues its semantic development: in journalistic, poetic, colloquial speech there are cases of semantic derivation due to the increment of semes / seme complexes to already known meanings, syntactic variation of idioms, development of metaphor, interaction with the words of other thematic, lexical and semantic groups. The semantic dynamics of the lexeme 'zero' was characterized by simultaneous multidirectional, sometimes diametrically opposite processes under the influence of both external and internal factors of linguistic and socio-cultural genesis.

Key words: token, zero, quantifier, semantic dynamics, idiom.

Надійшла до редакції 30.08.2019 р.

УДК 811.163.41'366:811:16

DOI: <https://doi.org/10.18524/2413-0613.2019.23.183125>

В. І. Ярмак,

доктор філологічних наук, доцент,
старший науковий співробітник відділу слов'янських мов
Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України,
01001, Україна, м. Київ, вул. М. Грушевського, 4,
тел.: (044) 279-02-92; inmo2006@ukr.net,
veronikaarmak1@gmail.com

ПЕРЕКЛАДАЦЬКІ РІШЕННЯ В ІНТЕРПРЕТАЦІЇ СЕРБСЬКОГО ХУДОЖНЬОГО ДИСКУРСУ БІЛОРУСЬКОЮ МОВОЮ

У статті проаналізовано широкий спектр перекладацьких трансформацій у зразках інтерпретацій сербського художнього дискурсу білоруською мовою. Особливу увагу приділено перекладацьким експериментам, стосовним особливостей відтворення сербських дієслівних форм минулого часу в мові перекладу. Домінантне становище серед численних варіантів перекладацьких рішень у цьому контексті посідає морфологічна заміна, що зумовлено значними відмінностями в конфігурації претеритальних систем сучасних сербської та білоруської мов. Сучасна білоруська